

Глава 4

В салоне движущегося автомобиля воцарилась тишина. Цинь Ли, закончив раздавать указания по работе, перевел взгляд на сидевшего рядом Чэн Муюня.

Тот, казалось, задремал: веки были плотно сомкнуты, дыхание оставалось ровным и тихим, а на переносице всё так же покоились очки. В этом аксессуаре Муюнь выглядел как безупречный помощник. За долгие годы их соглашения он ни разу не позволил себе проявить личные чувства, пока на нем были очки ассистента.

Цинь Ли не покидало странное предчувствие. Ему показалось, что в поведении спутника промелькнуло нечто необычное — неужели тот и впрямь приревновал? Неужели виной всему появление Сун Цзинчэня?

Мужчина, чей эмоциональный интеллект всегда оставлял желать лучшего, поначалу не придавал значения своему решению взять Муюня с собой. В конце концов, в том, чтобы привести ассистента на дружескую встречу, не было ничего предосудительного. Однако Чэн Муюнь давно перестал быть для него просто сотрудником.

Только сейчас до Цинь Ли начало доходить: помощник был еще и его любовником.

С позиции начальника и подчиненного всё выглядело логично, но с точки зрения близких отношений ситуация казалась в высшей степени странной. Президент всегда тщательно оберегал свой круг друзей от присутствия Муюня, хотя их связь длилась уже семь лет. И то, что любовник внезапно настоял на участии в этой закрытой вечеринке... Неужели он что-то заподозрил?

Цинь Ли нахмурился. Его охватило смутное беспокойство, а следом в голове зароились мысли, о которых он прежде никогда не задумывался. Он пристально разглядывал лицо мужчины — даже во сне тот казался напряженным, а уголки его губ были плотно сжаты. Внезапно в памяти всплыла одна деталь.

Чэн Муюнь уже очень давно не улыбался ему по-настоящему. Не той вежливой, официальной улыбкой, полагающейся по протоколу, а искренне — так, чтобы в глубине зрачков, как в тот день их первой встречи, рассыпались мириады звезд.

«Когда же я видел это в последний раз?»

Цинь Ли стало не по себе. Его поразило то, как долго он умудрялся не замечать столь очевидных перемен. Неужели он настолько не дорожил этим человеком, что просто игнорировал его состояние?

— Сяо Ли, что с тобой? — раздался мягкий голос.

Цинь Ли едва не высказал свои сомнения вслух, но вовремя спохватился: с ним говорил Цзинчэнь, а вовсе не Чэн Муюнь. Заготовленная фраза мгновенно сменилась коротким:

— Всё в порядке.

— Смотри, вон та дорога... Это ведь путь к нашей старой школе? — в голосе Сун Цзинчэня послышался восторг. — Здесь всё так изменилось, я сначала даже не сообразил.

Президент посмотрел в указанном направлении, и на него нахлынули светлые воспоминания юности. Он негромко рассмеялся:

— Да, ты прав. Если бы ты не сказал, я бы и сам не узнал...

Вскоре к их беседе присоединился Юй Шаонин. Лишь Чэн Муюнь продолжал сидеть с закрытыми глазами, будто его и вовсе не было в этой машине.

***

Отель располагался на окраине города, у самого озера, по соседству с гольф-клубом. Это было излюбленное место их компании: здесь можно было и поужинать, и развлечься.

Юй Шаонин шел впереди всех. Стоило ему распахнуть двери зала, как оттуда донеслись радостные возгласы:

— Ну наконец-то! Мы уже проголодались, я велел подавать на стол!

— Цзинчэнь! Столько лет прошло, а ты совсем не изменился! Ха-ха, не то что я — старею, брат, старею.

— Цинь Ли, ну ты и важная птица! Сразу видно, только ради Цзинчэня и соизволил явиться.

Чэн Муюнь вошел последним. Стоило ему переступить порог, как оживленный гул в комнате необъяснимым образом стих. Спустя несколько секунд кто-то неуверенно произнес:

— Чэн Муюнь?

— А он-то здесь что делает? — послышался чей-то приглушенный шепот.

Атмосфера мгновенно стала натянутой и крайне неловкой.

Единственными, кто не почувствовал дискомфорта, были сам ассистент и Цинь Ли. Последний в силу своей эмоциональной толстокожести просто не заметил перемены в настроении друзей, а Муюню было плевать. Его целью было следовать сценарию, и отношение окружающих его не заботило.

— Цинь Ли, садись сюда, — вовремя вмешался Юй Шаонин, указывая на почетное место в центре.

Президент подошел к столу и по привычке оглянулся на своего ассистента. Тот уже собирался занять место рядом, но Шаонин его опередил:

— Цзинчэнь, присаживайся вот здесь.

Муюнь замер. Он не проронил ни слова, лишь встретил вызывающий взгляд Юй Шаонина спокойным взором.

В итоге между Цинь Ли и Чэн Муюнем за столом оказалось двое человек. Тем не менее, собравшиеся продолжали украдкой переглядываться, переводя многозначительные взгляды с одного гостя на другого. Ассистент Чэн хранил молчание, игнорируя всеобщее внимание. Он знал: пока ему всё равно, неловко будет лишь остальным.

— Ассистент Чэн здесь исключительно по рабочим вопросам, — бросил Юй Шаонин, стараясь разрядить обстановку.

Беседа быстро вернулась в привычное русло. Лишний гость вскоре перестал быть центром внимания. Все они выросли в одном заводском районе, и разговор сам собой перетек на воспоминания о детских проделках. От игр в грязи до взрывания канализации петардами — атмосфера в зале становилась всё более непринужденной.

Чэн Муюнь оставался лишь сторонним наблюдателем. Он молча пробовал блюда, исподтишка следя за Шаонином и пытаясь просчитать его следующий шаг.

Фотографии в руках директора были бомбой с часовым механизмом, которая рано или поздно должна была рвануть. Но время еще не пришло. Пока отношения Цинь Ли и Сун Цзинчэня не достигли нужного градуса, взрыв был недопустим — один неверный ход мог разрушить все планы.

Внезапный взрыв хохота заставил ассистента очнуться от раздумий. Застолье было в самом разгаре: вино лилось рекой, основные блюда почти закончились, а градус веселья достиг своего пика.

Главной мишенью для шуток стал Цинь Ли.

— Да ладно вам! Раньше Цинь Ли вовсе не был таким пафосным сухарем. Кто, как не он, вечно подбивал нас лазить по крышам?

— Точно! И подумать не могли, что из него вырастет такой лощеный господин. Весь из себя статный, элегантный — кто не знает, решит, что его в аристократической семье воспитывали.

Цинь Ли не обижался на подначки друзей. Напротив, он смеялся так же открыто, как много лет назад. Все веселились, все были счастливы. Кроме Чэн Муюня.

Он не отрывал взгляда от своего начальника.

Тот редко улыбался. Вне зависимости от обстановки президент всегда напоминал холодную, непрístupную снежную вершину. Но сейчас на его лице проступили мягкие морщинки смеха, и в его облике появилось нечто приземленное, человеческое.

Чэн Муюнь опустил руку под стол. Его пальцы едва заметно дрожали.

[Предупреждение! Зафиксирован сильный эмоциональный всплеск]

[Рекомендую немедленно взять себя в руки]

«У вас и такая функция есть? Мониторинг эмоций?» — Муюнь с силой сжал мизинец левой руки.

Вмешательство Системы оказалось как нельзя кстати — оно помогло ему отвлечься и не наделать глупостей.

[А как же! Я — ИИ нового поколения, и у меня для вас припасено еще немало сюрпризов]

[Кстати, отчего такая ярость? Вы всё-таки ревнуете?]

«Если бы я мог ревновать, это было бы благом, — мысленно парировал Муюнь. — Мое любовное испытание, в котором я застрял на вечность, давно было бы пройдено»

[Ясно, опять этот тон «бессердечного бамбука». Тогда почему вы в таком бешенстве?]

«Просто эта улыбка Цинь Ли... она совершенно рушит его образ. На это тошно смотреть»

Он снял очки и потер переносицу, пытаясь подавить чувство брезгливости. Чэн Муюню было невыносимо видеть мужчину таким «обычным». Он потратил годы, чтобы незаметно вылепить из него того холодного и величественного президента, которым тот стал. Даже наедине Муюнь

поддерживал этот фасад, и пока окружающие считали отстраненность Цинь Ли признаком безразличия к любовнику, сам Муюнь наслаждался результатом своей работы.

Он осознавал, что всё еще далек от нормальных людей. Ведь в такой момент нормальный человек должен думать о чем угодно, только не о «погрешностях в имидже» своего партнера.

«Система, а в чем вообще смысл этой сцены? Как это помогает в прохождении испытания чувств?»

[В этом сценарии обычный человек должен испытать острый укол боли]

[Он должен почувствовать неуверенность в себе, страх потери... Всё то, что составляет палитру настоящей любви]

«Неуверенность? Страх потери?»

Муюнь искренне не понимал. Слегка нахмурившись, он принялся внимательно изучать Цинь Ли, пытаясь отыскать в себе хоть тень того трепета, что описывала Система. Если бы ему удалось совместить исправление сюжета с прохождением собственного испытания, это был бы идеальный исход. Это была бы уже не просто борьба за место под солнцем, а истинная практика самопознания.

Он начал настойчиво внушать себе мысль о ревности, стараясь вызвать в душе ту самую горечь, которую полагалось чувствовать «нормальному человеку».

Юй Шаонин, сидевший неподалеку, не упустил из виду пристальный взгляд Муюня. Директор самодовольно усмехнулся: не зря он так старательно заводил разговоры о детских проделках.

За последние годы Цинь Ли стал слишком властным и холодным. В нем почти не осталось того прежнего парня — он был немногословен, высокомерен и крайне редко позволял себе даже тень улыбки.

Шаонин посмотрел на смеющегося друга, в котором проглядывали черты того юноши, а затем перевел взгляд на поникшего ассистента. Сомнений не оставалось: Цинь Ли открывал свое истинное лицо только перед Сун Цзинчэнем.

Юй Шаонин видел их домашнюю обстановку: президент вел себя с Муюнем так же сухо и официально, как и на людях. Чэн Муюнь так и не смог достучаться до его сердца, он никогда не был для него кем-то особенным. В этом директор был уверен на сто процентов.

Муюнь пронаблюдал за Цинь Ли еще какое-то время, но так и не обнаружил в себе никаких признаков «страдания». Напротив, раздражение только росло. Решив, что на сегодня с самопознанием покончено, он уткнулся в телефон.

[Что с вами?] — поинтересовалась Система.

«Если я продолжу на это смотреть, у меня начнется приступ» — отозвался Муюнь.

[Почему?]

«Я не выношу Цинь Ли в таком виде»

[А? Неужели вам всё-таки больно? Это же не так плохо, вы...]

Муюнь не дал Системе договорить и тяжело вздохнул.

«Меня бесит, когда ситуация выходит из-под контроля. Цинь Ли сейчас выглядит как последний идиот, и это невыносимо. Я столько сил вложил в его идеальный имидж, а это выражение лица портит всю атмосферу. Когда мне некомфортно, я начинаю действовать»

В сознании Системы снова завывла сирена.

[Что вы задумали?! Успокойтесь!]

[Вспомните три года работы «подлизой»! Вспомните, как каждое утро начиналось с клятвы в любви Сяо Ичуаню!]

Чэн Муюня передернуло, по спине пробежал холодок.

«Тихо, тихо! Замолчи немедленно! — взмолился он. — Если продолжишь в том же духе, у меня и впрямь случится нервный срыв. Не волнуйся, я всё еще в здравом уме»

— Ассистент Чэн? Чэн Муюнь?

Муюнь очнулся от внутреннего диалога. Он увидел, что Сун Цзинчэнь, сидевший через одного от него, приподнял бокал и мягко улыбается.

— Простите, вы что-то сказали? — вежливо уточнил Муюнь, мгновенно возвращаясь к образу безупречного помощника.

— Я хотел выпить за ваше здоровье, — произнес Цзинчэнь. — Я слышал, что все эти годы вы очень помогали Сяо Ли.

Слова звучали как мягкое, но уверенное утверждение своего превосходства. Муюнь и бровью

не повел. Он спокойно поднял чашку с чаем:

— Мне еще садиться за руль, так что позвольте ответить вам чаем вместо вина. Прошу прощения.

Его тон был подчеркнуто сухим, почти на грани грубости — именно так, по его мнению, должен был вести себя ревнующий любовник.

Юй Шаонин, видя это, вспыхнул от гнева. Он рванулся к Цзинчэню, пытаясь его остановить:

— С какой стати? Цзинчэнь, если он пьет чай, то и тебе незачем пить вино!

И в этот самый момент, по «случайному» стечению обстоятельств, чашка Муюня оказалась на пути вскинутой руки директора. Легкий толчок — и всё содержимое чашки выплеснулось на белоснежную рубашку Юй Шаонина.

— А-а-а! — Шаонин подпрыгнул как ошпаренный.

Чэн Муюнь тут же встал и принес извинения:

— Виноват. Простите, директор Юй.

К счастью, чай успел немного остыть, но рубашка пострадала основательно: на белой ткани расплылось огромное бурое пятно. Вид у мужчины был крайне жалкий.

— Ты... ты это нарочно! Ты... — Шаонин уже готов был разразиться проклятиями, но его прервал голос Цинь Ли:

— Юй Шаонин.

Всего три слова, произнесенные ледяным тоном, заставили директора вздрогнуть. Цинь Ли был его боссом, и в гневе он был по-настоящему страшен.

С позеленевшим лицом Шаонин рухнул обратно на стул, яростно терзая одежду бумажными салфетками.

Только тогда Муюнь произнес:

— В машине есть запасная чистая рубашка. Позвольте, я провожу вас, чтобы вы могли переодеться.

— Не нужно мне твое... — пострадавший не успел договорить: ассистент уже поднялся и с непреклонной силой, не терпящей возражений, помог ему встать.

— Пойдемте, директор Юй.

***

Спустя десять минут.

Юй Шаонин сидел на заднем сиденье автомобиля, расстегивая пуговицы испорченной рубашки.

Прохладный ночной ветерок обдувал кожу, вызывая толпы мурашек. Он же помог протрезветь затуманенному алкоголем и эмоциями мозгу. Мужчина почувствовал неладное. Он резко вскинул голову и посмотрел на Чэн Муюня, стоявшего снаружи.

Машина была припаркована в тени раскидистого дерева. Свет далекого фонаря с трудом пробивался сквозь листву, ложась на лицо ассистента причудливыми пятнами. Одна половина его лица была залита тусклым светом, другая же оставалась в густой тени. Тот выглядел усталым: он снял очки и потер переносицу.

— Ты ведь сделал это специально? — спросил Шаонин.

Муюнь медленно поднял на него взгляд.

От этого взора директор на мгновение оцепенел. Глаза Чэн Муюня были неопишимо красивы и в то же время пугающе холодны. Он смотрел на собеседника так, будто тот был не человеком, а просто обивкой заднего сиденья.

— Ты... ты нарочно выманил меня сюда? — Шаонин подавил внезапную дрожь и повторил вопрос.

Муюнь едва заметно улыбнулся. Его тон был спокойным и ровным:

— Ты уверен, что хочешь продолжать этот разговор в таком виде?

В этот момент ветер качнул ветви, тени сместились, и лицо мужчины целиком оказалось в слабом ореоле фонарного света. Юй Шаонин заороженно смотрел на него, не в силах отвести глаз.

— В каком это виде? — машинально переспросил он.

— В полуголом.

Юноша указал на него длинным, изящным пальцем. Даже ногти у этого негодяя были идеальной формы. Шаонин глупо проследил за направлением жеста и уставился на свою грудь, подставленную ночному ветру.

— !

Он судорожно прижал рубашку к телу, напоминая оскорбленную в лучших чувствах девицу.

Чэн Муюнь промолчал.

«Глупец. Я знал, что он не блещет умом, но чтобы настолько...»

Директор с рекордной скоростью переоделся и выскочил из машины. Он выпрямил спину, стараясь вернуть себе утраченное достоинство, и вперил взгляд в собеседника:

— О чем ты хотел поговорить?

— Значит, Сун Цзинчэнь — вот причина, по которой ты так жаждешь моего ухода?

Очередной порыв ветра заставил Муюня прищуриться. Его утонченные черты лица внезапно приобрели жесткое, почти властное выражение.

— Ты... ты всё узнал? — выдохнул Шаонин.

— Я не слепой. Ваше поведение говорит само за себя, — ассистент коротко рассмеялся. — У меня достаточно самообладания, чтобы признать очевидное.

Ветер на берегу озера усилился. Рубашка плотно облепила стройную фигуру Муюня. Шаонин снова замер: у него вдруг закружилась голова, а в груди стало странно тесно. В этом странном оцепенении он мог лишь молча слушать.

— Я всегда знал, что в сердце Цинь Ли живет кто-то другой. Просто... человеку свойственно надеяться на чудо.

Его голос стал совсем тихим, почти неразличимым в шуме листвы.

— Нет, я... — Шаонин хотел что-то возразить, но слова застряли в горле.

Чэн Муюнь — этот ледяной, непробиваемый ассистент... неужели он плачет? В свете фонаря было видно, как покраснели его веки, а в глазах заблестела влага.

Эта внезапная уязвимость совершенно сбила директора с толку. Он почувствовал себя потерянным и растерянным. По сути, он не был злым человеком; его неприязнь питалась лишь старыми предубеждениями и чувством вины перед Цзинчэнем за события прошлых лет.

Но теперь всё изменилось.

Муюнь прижал пальцы к переносице, словно подавляя рвущиеся наружу чувства. После долгого молчания он глухо произнес:

— Я всё обдумал. Эти отношения изначально были ошибкой, и им пора положить конец. Но как ты думаешь, что сделает Цинь Ли, если я просто исчезну, не сказав ни слова?

Его мягкий, низкий голос в полумраке казался почти осязаемым, проникающим в самую душу. Несмотря на спокойный тон, Шаонин послушно последовал за его логикой.

— И... и что же ты предлагаешь? — глупо спросил он.

— Всё просто. «Оригинал» вернулся, и Цинь Ли скоро сам осознает, насколько «подделка» не выдерживает сравнения. Пройдет немного времени, и он не захочет даже смотреть в мою сторону.

Слушая, как Муюнь с ледяным спокойствием принижает себя, Шаонин почувствовал, как его захлестывает волна жгучего стыда. Он открыл рот, но так и не смог подобрать нужных слов.

— Не говори так... Ты... ты на самом деле очень хороший...

Договорить он не успел — Муюнь уже отвернулся.

— Пойдем.

Шаонин в сердцах взъерошил волосы и поспешил следом.

— Не волнуйся, — бросил он в спину ассистенту. — Я не стану показывать фотографии Цинь Ли.

Посчитав, что это звучит слишком мягко, он добавил с напускной суровостью:

— Дам тебе немного времени.

Муюнь даже не обернулся. Он лишь коснулся дверной ручки и тихо произнес:

— Спасибо.

Юй Шаонин поднял взгляд, но увидел лишь удаляющийся силуэт — хрупкую спину и рубашку, бьющуюся на ветру.

<http://bllate.org/book/15360/1412937>